

КНИГА ЗА КНИГОЙ

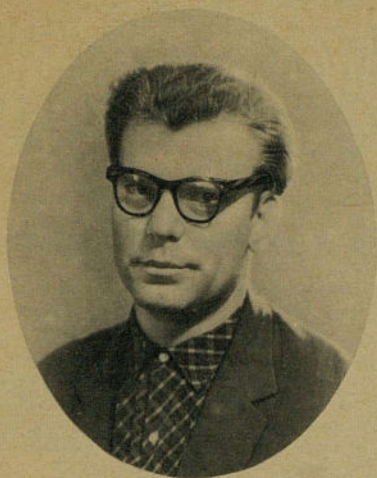
Э. Шим

ЛИВЕНЬ

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Э. Ш И М

Л И В Е Н Ь

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964

Эдуард Юрьевич Шим родился в 1930 году в Ленинграде. Окончив школу-семилетку, он поступил работать на завод, затем учился в Архитектурно-художественном училище. Служил в армии. По возвращении из армии работал в газетах.

Первая книга рассказов «Лето на Корбе» вышла в 1951 году в Детгизе. Затем вышли новые книги: «Неслышные голоса», «Ночь в конце месяца», «След на воде», «Деревянная книга», «Мартовский снег», «Лесные разговоры», «Пикет-200» и ряд других широко известных юному читателю.

На сцене Московского театра юного зрителя идёт его пьеса «Что я отвечу?».

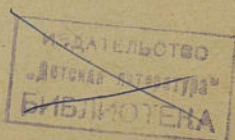
Книги Э. Ю. Шима получили широкое признание и любовь юных читателей.

В книгу «Ливень» вошло пять рассказов: «Мартовский снег», «Мальчик с кордона», «Ливень», «След на воде», «Флаг». Рассказы эти и о природе, и о людях, о доброте, мужестве, честности.

Рисунки Н. Пластова

695430 кх ред

Российская государственная
детская библиотека

66696

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

1

В классе урок чтения. Катя очень любит эти уроки и с удовольствием глядит на маму, стоящую возле стола. Мама держит обеими руками книжку и очень громко и раздельно читает стихи:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит...

Видно, что и самой маме выговаривать такие певучие, красивые стихи очень приятно. После каждого

четырёх строк она останавливается и окидывает взглядом класс. Глаза её встречаются с глазами Кати. Но мама не улыбается, а сразу переводит взгляд, — иначе нельзя. Нельзя показывать, что в классе есть мама и дочь. В классе должны быть лишь учительница Нонна Петровна и ученица Катя Семёнова.

...Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

Мама так хорошо читает, что Кате очень ясно представляется и зеленеющая травка и ласточка — маленькая такая птичка, которая сидит на ладони и, щебеча, весело склёвывает зёрнышки...

Вдруг мама со стуком опускает на стол книгу. Брови у неё хмурятся; она пристально смотрит на Катю. Хотя нет, не на неё. Мама смотрит на соседа Кати — Саньку Клепикова. Конечно, Санька опять отвернулся к окну и ничего не слушает... Он всегда такой, этот Санька!

Катя толкает его локтем в бок, но уже поздно.

— Клепиков, — говорит Нонна Петровна. — Ты опять отвлекаешься? Повтори-ка, пожалуйста, мои последние слова.

Осторожно, чтобы не задеть соседа, Санька откидывает крышку парты и встаёт. Ростом он не выше Кати, но

оттого, что у него круглые тяжёлые плечи и большие руки, он кажется не по летам взрослым.

Катя глядит на него снизу вверх и не может понять — то ли Санька хмурится, то ли прячет усмешку.

— Ну, Клепиков, я жду, — ровным голосом говорит Нонна Петровна.

— Я .. я не знаю... — вздохнув, отвечает Санька.

— Так я и полагала. А почему же ты не слушаешь? Неужели тебе не интересно?

Катя видит, что мама старается спрашивать приветливо, но всё-таки раздражение нет-нет да и провьётся в её голосе.

Вообще мама стала теперь очень раздражительная, часто сердится и даже кричит.

— Отвечай, неужели не интересно?!

Санька опускает голову. Теперь Кате видно, что усмешки у него нет, а глядит он прямо и серьёзно.

— Не интересно, Нонна Петровна. Ведь это всё враки.

Катя от неожиданности тихонько охает и чуть не зажимает руками уши. В классе пробегает шумок.

Нонна Петровна удивлённо переспрашивает:

— Что-о? Где враки?!

— Да про ласточку, — так же серьёзно отвечает Санька. — Не живёт она в сенах. И зёрна ей только дураки сыплют, потому что она не зёрна ест, а насекомых.

Катя совсем растеряна. Она краснеет, как будто сейчас обидели не маму, а её самоё. Лицо Нонны Петровны тоже заливает краска.

— Вот что, Клепиков, — говорит

она, еле сдерживаясь, — это уже слишком... Это... Выйди из класса!

Катя торопливо сует в руки Саньке портфель, подталкивает и шепчет: «Иди, иди!» А Клепиков будто и не очень огорчен. Он аккуратно складывает тетради, застёгивает портфель и, дойдя до дверей, вежливо поворачивается:

— До свиданья, Нонна Петровна!

Мама кивает ему головой, словно тоже подталкивает: «Иди, иди». Катя понимает, что настроение у мамы опять испорчено, наверно, и стихи читать уже расхотелось...

До чего же трудно маме работать с незнакомым классом! И ребята здесь странные, совсем не похожие на городских. Они и отвечают и делают всё как-то по-своему... Измучаешься с такими!

К счастью, в коридоре слышны шаги сторожихи и звон колокольчика.

Урокам конец.

— Катерина, — устало говорит Нонна Петровна. — Подожди меня. Помоги, пожалуйста, донести тетради.

2

Школьники уже разбежались. Катя с мамой идут одни по деревенской улице, с трудом отыскивая сухие места на грязной дороге.

Встречные колхозники здороваются с Нонной Петровной, она растерянно и неловко отвечает им. Катя догадывается почему: мама никого ещё не успела запомнить в лицо. «Тут и взрослые какие-то странные, — думает Катя. — Совсем незнакомому человеку говорят «здравствуй»...

Она не может представить себе, что маму здесь уже узнали и запомнили. Сама Катя за полмесяца деревенской жизни не смогла запомнить даже дома, в котором живёт. Все избы в деревне кажутся ей одинаковыми.

Навстречу Нонне Петровне попадается Санька Клепиков. Он уже успел сбегать домой и переодеться. В перепоясанном кушаком ватнике, с лыжами под мышкой, он, наверно, отправляется на прогулку.

Нонна Петровна проходит отвернувшись, будто не видит его.

А Катя, сердито поджав губы, шагает напрямик и нарочно толкает Саньку плечом. Пусть знает, что Катя тоже обижена!

Войдя в комнату, она по привычке собирается вымыть руки. Но жестяной рукомойник сухо-постукивает ржавым стебельком — нету воды. Катя вспоминает, что утром отец торопился в свою РТС и за водой не сходил. Теперь маме в такой праздничный день придётся самой бегать на речку, носить дрова, растапливать огромную, как автобус, русскую печь... Если б можно, Катя всё сделала бы сама. Но, во-первых, не сумеет, а во-вторых, мама не позволит.

Нонна Петровна, не раздеваясь, присела к столу. Задумалась. Конечно, сегодня ей невесело! Разве так она встречала раньше свой день рождения — двадцать третье марта!..

Катя раздумывает, что делать. В доме тишина. И за окнами непривычно тихо. Нет ни звона, ни гудков. От прежних знакомых звуков осталось одно тиканье будильника. Да нет, и оно изменилось... В городе будильник был почти немым, а здесь он звонко, будто роняя капли, отмеривает минуты. Почти два часа дня.

— Мамочка, можно я погуляю? — спрашивает Катя.

— Да, да... — рассеянно отвечает Нонна Петровна. — Можно...

Катя выбегает за калитку.

Отец говорил, что к нему в РТС надо идти вот этой дорогой — через горку и лес.

Вчера отец сказал: «Обязательно достанем цветов. Чтоб всё было, как прежде! От нас ходят машины в район, и я попрошу, чтобы мне купили букет». Так что не одна Катя старается нынче, но и отец и тот неизвестный шофёр, что поехал в районный городок.

Пока отца не направили из города работать в РТС, делать подарки было легко и просто. Двадцать третьего марта Катя с отцом шли в цветочный магазин и выбирали большой букет живых цветов — мимоз. Правда, Кате они не очень нравились. Мимозы были какие-то седые и словно сделанные из проволоки. Но маме они доставляли такую радость, что Катя, в конце концов, тоже привыкла к ним и тоже стала при случае говорить, что обожает цветы и не может без них жить...

Да, в городе всё было легко и просто. Не то, что здесь...

Катя поднимается на горку. Отсюда хорошо видна вся деревня — ровный порядок изб, сады, тропинки к речке. По одной из тропинок кто-то двигается, несёт вёдра. Катя догадывается, что это мама.

Отсюда мама кажется до того маленькой и хрупкой в своём городском узеньком пальто и шляпке, что просто непонятно, как она не согнётся под тяжёлым коромыслом.

У Кати щиплет в носу от ласки и жалости. Она поворачивается и скорей бежит по дороге.

Ничего! Сегодня всё-таки будет мамин день рождения, и цветы тоже будут...

Мартовское солнце пригревает совсем по-весеннему. Покуда Катя шагает до лесной опушки, она успевает расстегнуться и снять варежки — до того жарко.

Но в лесу прохладнее. Дорога здесь ещё не подтаяла, снег на ней хрусткий. А в тени под деревьями держится зимний холодок, сразу опахивающий лицо.

Но Кате некогда это замечать. Она торопится и всё чаще и чаще похрупывает по снегу валенками.

Неожиданно дорога разветвляется на две. Катя останавливается и нерешительно топчется на месте. Вот ещё беда! В городе прочла бы название улицы или спросила бы у прохожих. Очень просто. А тут?

Из-за поворота доносится гудение, лязг и рычание мотора. Из чащи выныривает гусеничный трактор и, вешая на придорожные кусты рваные тряпочки дыма, быстро катит к опушке.

Катя веселеет — ага, вот где дорога в РТС! Чтобы дать машине пройти, она сбегает на обочину.

И вот удивительное дело — снег не проваливается! Он чистый, никем не примятый, но держит прочно, прямо как пол! Катя никогда не подозревала, что на свете бывают такие диковинки. Она даже наклоняется и трогает пальцами шершавую, будто солью присыпанную, снеговую корочку. Пожалуй, тут можно и на коньках кататься!

Она очень радуется, что сделала такое открытие. Ведь теперь можно идти не по ухабистой дороге, которая то и дело петляет, а напрямик по лесу, и до РТС доберёшься скоренько.

И в самом деле, через несколько минут Катя уже далеко от развилки дорог. Она обходит косые сугробы, пробирается между кустами, пролезает под ветками.

Огибая низкорослый ельник, Катя вдруг чувствует, что снег под валенками проминается. Неужели тут он слабее, чем на опушке?

Кате удаётся сделать ещё шаг, другой, а потом сразу, будто внизу кто подрубил, она до плеч проваливается в снег.

Руки покалывает сотнями иголочек — это снег забился в рукава. Попал он и в валенки, — ноги обжало холодными обручами так, что не пошевелить. Надо скорей выбираться!

Катя встаёт на цыпочки, кладёт руки на край снежной ямы и хочет вылезти наверх. Но напрасно. Снеговая корка рассыпается в прах, течёт из-под рук. Катя барахтается, рвётся дальше и дальше, но нет опоры, вокруг — зыбучая сухая вода. По-прежнему над снегом торчит одна голова Кати.

Понемножку становится страшно. Противно дрожат и слабеют коленки.

Катя оборачивается назад и пробует вылезти в другом месте. Она борется изо всех сил, потеряла варежки, сбила с головы шапку, — до них ли теперь!.. Надо выбраться, выкарабкаться!

С тонким шипением оползает, струится вниз снег. Всё глубже и глубже тонут ноги...

Сколько она барахтается, Катя не представляет себе. Она чувствует, что сил уже больше нет. Тогда она опускается на дно ямы и, запрокинув голову, смотрит вверх.

Небо очень высокое. Оно слепит глаза своей синевой.

В небе чернеют отточенные макушки елей, ветки сосен. Они затихли, застыли, замерли. Словно ждут.

Чужой, непонятный, притаившийся лес...

Глазам Кати становится горячо; ели и сосны вдруг растекаются, мутнеют; не закрывая лица, не двигаясь, Катя плачет.

— А я-то не пойму, где ревут?

Голос раздаётся так неожиданно, что Катя вздрагивает. Открывает глаза. Над ямой видны белые стёртые подошвы лыж, ноги в широких валенках, ватник. Санька Клепиков сбрасывает с плеч вязанку хвороста и приседает на корточки.

— Ишь ты, — говорит он одобрительно, — какую борозду пропахала. Давно увязла?

— И-х-и... Ага...

— А куда шла?

— В эртээс, к... папе...

— Ну? — удивляется Санька. — А я только что

его видел. Ехал твой отец на машине, видно, в деревню, домой...

Катя недоумевающе поднимает лицо.

— Где?

— Да вон там! — Санька машет рукавицей. — На дороге из эртээс. Ты ведь заплутала, не в ту сторону пошла...

Катя роняет руки. Ей сразу делается холодно, пусто. Вот и всё. И мучилась, и старалась она, оказывается, совсем напрасно. Обидная горечь поднимается у неё в горле, губы дрожат.

И когда Санька, вытащив Катю наверх, начинает утешать, она не выдерживает. Заикаясь, проглатывая слёзы, Катя рассказывает всё: как торопилась к отцу, как хотела вместе с ним принести цветы и как теперь ничего, ничего не получится...

Санька слушает не перебивая, потом несколько минут стоит молча, раздумывает.

— Ладно, — говорит он наконец. — Не реви. Если не очень зазябла, то пошли со мной. Цветы я тебе разыщу.

Катя думает, что Санька опять говорит это лишь для утешения. Она, всхлипнув, отворачивается.

— Да-а... Где ты разыщешь?

— В лесу, — уверенно отвечает Санька.

5

Легко и быстро, словно съезжая с горки, Санька двигается впереди. Следов от его лыж на твёрдом снегу нет, и Кате кажется, что Санька совсем не касается земли.

Катя уже разогрелась и немножко повеселела.

— Сань, — спрашивает она на бегу, — я там провалилась... А за тобой иду, не проваливаюсь. Почему?

— Так я ведь гляжу, — отвечает Санька. — Глядеть надо. На открытых местах снег отмякнул, его

солнышком расплывило. Там не ходи. А где снег синий, там наст держится, и по нему хоть на возу поезжай.

Катя смотрит, где же синий снег. Его, оказывается, очень много.

Синие тени от деревьев. Синие бока у сугроба. Каждая низинка, каждая лощина залиты синевою. Значит, в лесу было столько дорог, а Катя и не знала!

Пролетев под обвислыми ветвями, Санька выкапывает на поляну и ждёт Катю.

— Гляди, какие зверюхи...

На поляне растут маленькие ёлочки. Их засыпало, согнуло, облепило снегом. Получились толстые неуклюжие зверюхи — не то медведи, не то верблюды. Их припекает солнце, и они плачут — пускают слёзы по бородам из сосул.

Кате хочется погладить одну из них. Она подходит, чуть дотрагивается пальцами — и тут зверюха взрывается снежным фонтаном. Кверху летят белые хлопья, брызги, радужная пыль.

Катя испуганно вздрагивает. Прямо перед нею распрямившаяся ёлочка отряхивает с лапок последние снежные комки.

— Не даются в руки! — смеётся Санька. Лицо у него стало широкое, доброе, и на нём, как щёлочки, зажмуренные от яркого света глаза.

Вдруг Санька стирает с лица улыбку, наклоняет голову, прислушивается. Катя поскорей тоже отгибает у шапки одно ухо.

В вышине, на голой берёзе, с ветки на ветку каплют фиолетовые огоньки. Одни долетают до земли и гаснут, другие дробятся искорками. Катя не сразу догадывается, что это капель. А на самой маковке берёзы суетится нарядная птичка на высоких ножках. Она вертит головой в тёмной шапочке, будто оглядывается, и звонко посвистывает в тоненькую дудочку.

Кате кажется, что птичка выпевает что-то знако-

мое. Но что? Вроде и понятно, а не выговорить, не передать...

— Слышать? — серьёзно переспрашивает Санька. — Это синица. Как увидит, что вода с ветки потекла, так и требует: «Винтик-крантик завинтить!»

Катя не может удержаться от смеха — так здорово похоже вышло у Саньки. Санька вытягивает губы и пересвистывает:

— Крантик-винтик?

«За-вин-тить, завинтить!» — обрадованно подхватывает птичка.

— Шалишь! — мотает головой Санька. — Не стану! Вот придёт лето, всю капель завинтит. А меня и не проси...

Синица переворачивается на ветке вниз головой, камешком падает вниз и пропадает в зарослях. Катя становится жалко, что птичка так быстро улетела.

— А про цветы-то и забыли? — Санька огорчённо поводит носом. — Эх, мы!.. Ступай-ка сюда. Гляди!

Соскочив с лыж, он бежит в кусты на краю поляны. Раздвигает корявые чёрные ветки.

Катя наклоняется и видит настоящее чудо. Под кустами снег намело неровно, остались пещерки. Сверху они прикрыты, как стеклом, тоненькими ледяными листьями.

Сквозь лёд проникают солнечные лучи. Они нагрели землю, и среди снега, как в парничках, выросла зелёная травка и даже цветы. Они удивительные — искристые, белые, на прозрачных гладких ножках.

Санька крепким пальцем подковыривает лёд, снимает с парничка крышку.

— Сбирай. Только траву не мни, пускай растёт...

Катя становится на коленки и осторожно протягивает к цветам руку.

До околицы они доходят вместе. Там Санька перекидывает на другое плечо вязанку хвороста, говорит:

— Ну ладно. Я огородами проберусь. А то увидит Нонна Петровна, совсем рассердится... Лучше не напоминать!

Вздыхнув, он сворачивает на тропинку. А Катя шагает к дому.

На деревне тихо. Вечернее солнце зажгло рябиновый огонь в окошках, жёлтой каёмкой обвело крыши, телеграфные столбы, изгороди. Всё стало мягким, тёплым — приятно смотреть. Катя даже немножко замедляет шаги.

На крыше её дома сидят две вороны. Они распускают крылья, топчутся и — что вовсе неслыханно! — выводят песню. Песня чуть глуховатая, журчащая. Похоже, будто плещет водяная струйка и булькает пузырьками...

Катя устала, проголодалась, но почему-то не думает об этом и ещё долго стоит у калитки. Потом вынимает из-за пазухи цветы и входит в дом.

МАЛЬЧИК С КОРДОНА

Прежде Анна Васильевна никогда не жила в деревне и теперь приехала в Жихарево только потому, что тут работал её сын. Он руководил большой РТС; ему дали просторный дом с садом, но жить одному было скучно. Он вызвал к себе мать и ещё до её приезда подобрал ей хорошую должность — библиотекаря.

Жихарево было старым, в две улицы, селом, построенным около реки. В центре его стоял двухэтажный кирпичный клуб, в котором и помещалась библиотека.

Анна Васильевна не сразу привыкла к новой жизни. По утрам её будило петушиное пение, шумел сад, и ветки яблонь шуршали и скреблись по крыше, а на улице хлопал кнут и мычали коровы. Анна Васильевна спросонок не понимала, откуда приходят эти незнакомые звуки, долго лежала и прислушивалась, а

потом уже вспоминала, что она не в городе. Она вставала, принималась за дела, но это чувство недоумения отчего-то не покидало её, и целый день у Анны Васильевны было такое ощущение, словно она ходит в чужой и непривычной одежде.

Она решила, что всё это происходит от слишком резкого различия между прежней и теперешней жизнью, и сразу принялась за работу, полагая, что любимое дело быстро успокоит её.

Три дня она принимала от старого библиотекаря основной фонд, а затем принялась за книги, привезённые из городского коллектора. Она ходила между стеллажами, расставляя пахнущие краской и клеем томики, иногда раскрывала книгу и осторожно переворачивала листы, наслаждаясь их свежим хрустом.

В библиотеке было тихо. Лишь иногда поскрипывала половица да в углу, под столом, раздавался чуть слышимый шорох — наверное, копошилась мышь. Непривычная тишина неприятно действовала на Анну Васильевну. Ей стало казаться, что она давно уже ходит так, одинокая и никому не нужная; и эта тишина установилась тоже давно и так и будет стоять всё время, и завтра Анне Васильевне придётся точно так же ходить между одинаковых, насквозь пропылённых стеллажей, и послезавтра, и ещё день, и ещё... Без конца и без перемен.

Задумавшись, Анна Васильевна не сразу заметила, что в библиотеку кто-то вошёл.

Худенький мальчишка, загорелый, в застиранной, потерявшей цвет майке, влез боком в полуотворенную дверь и тихонько сказал:

— Здравствуйте...

— Здравствуй, — рассеянно ответила Анна Васильевна. — Что тебе, мальчик?

— Я почитать... Дадите книжку, тётенька?

— Библиотека ещё не работает. Приходи завтра, и я выдам тебе книжку. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал мальчишка.

Анна Васильевна ушла за стеллажи, а когда вернулась, он всё ещё стоял у дверей. Видимо, о чём-то раздумывал — собрал коричневую кожу на лбу в морщинки, прикусил нижнюю губу.

— Что же ты ждёшь? — удивилась Анна Васильевна.

— Книжку.

— Я же сказала, что завтра!

Морщинки на лбу разбежались, мальчишка поднял голову и уже твёрдо сказал:

— Мне завтра нельзя. Мне только сегодня можно. Разрешите, тётянка! Я все правила знаю и книжку беречь буду... Только разрешите!

— И правила знаешь? — усмехнулась Анна Васильевна, невольно подтрунивая над слишком серьёзным, деловым тоном мальчишки. — А ну-ка: сколько дней можно книжку держать?

— Десять! — быстро сказал мальчишка.

— И ты не удержишь?

— Нет, что вы! Обязательно верну.

— Ну хорошо, — сдаваясь и не желая спорить, сказала Анна Васильевна. — Вот там на столе книги. Подбери себе что-нибудь. И не мешай мне, пожалуйста, разговорами.

Она мельком посмотрела, как мальчик бережно перебирал книги, и отвлеклась от работы только тогда, когда скрипнула закрывшаяся дверь. Мальчик ушёл. «Даже попрощаться не решился», — удовлетворённо отметила Анна Васильевна и подумала, что и среди деревенских читателей она тоже вскоре сумеет завоевать авторитет.

Она проработала до полудня, решила на обед не ходить, а закончить все дела и уж потом отдохнуть. И только разбирая томики, лежавшие на столе, Анна Васильевна вдруг вспомнила, что не записала в формуляр книгу, взятую мальчиком, и даже не знает, как его имя и фамилия. Настроение у неё вновь быстро

испортилось. Она сразу почувствовала усталость, закрыла библиотеку и пошла домой.

Но самое плохое было в том, что пустяковый этот случай расстроил её надолго. Она подозрительно приглядывалась ко всем мальчишкам, приходившим в библиотеку, и ругала себя за то, что не запомнила хотя бы внешнего вида первого своего посетителя. Приходя домой, она вновь думала об этом случае; мысли были нехорошие, злые, Анна Васильевна понимала это и гнала их от себя, но дурное настроение не проходило. И работа, которая принесла было облегчение, опять стала скучной и утомительной.

Миновала неделя, потянулась другая, а мальчишка всё не появлялся. Тогда Анна Васильевна рассердилась окончательно и пошла в РТС. Оттуда ходили машины в город. Анна Васильевна дала денег знакомому шофёру и попросила купить злополучную книгу, чтобы больше не ждать и не думать о ней.

Потом она зашла к сыну, и в партийной организации РТС её попросили выполнить одно поручение. Тракторные бригады работали вдалеке от села, надо было объехать их с передвижной библиотечкой. Анна Васильевна согласилась и сказала, что будет ждать машину в десять утра.

На дверях читального зала она повесила записку: «Закрыто до пятницы», предупредила сторожа, что отлучается на три дня, и села в машину.

Дорога была скверной. Глухие лесные просёлки ещё не высохли с весны, машина вязла, качалась в глубоких колеях. Анна Васильевна смотрела, как взлетают и падают в окнах кабины сосны и ели, и думала о том, какая трудная работа у сына. Анне Васильевне кажется тяжёлой эта поездка на легковой машине, а ведь сыну приходится по таким ужасным дорогам переправлять и тракторы, и комбайны...

Шофёр Гельмут — кругленький человек с бритой головой — считался лучшим водителем на станции и ехал очень бережно. Но пока добрались до первого

полевого стана, Анна Васильевна измучилась, и у неё заболела голова.

Потом начался дождь. Пришла грязная тяжёлая туча, обложила небо. Поднялся ветер, косые струи ливня заколотили по листьям, и пенные ручьи забулькали на дороге. Машина у Анны Васильевны была открытая, и ехать стало нельзя. Пришлось остаться в вагончике у трактористов.

Вагончик был тесный, пахло в нём сапогами и машинным маслом. Анна Васильевна постелила на топчан газету, села и принялась слушать, как шумит дождь. Она слушала и ругала себя за то, что согласилась на эту поездку. Надо было просто отдать всю библиотечку под расписку в РТС, и пусть бы желающие развозили её куда угодно.

Потом открылась дверь. На пороге вагончика появилась фигура, с головой укрытая промокшей курткой. Анна Васильевна посторонилась, чтобы не замочить. А вошедший сказал:

— Здравсте, тётенька...

Анна Васильевна вздрогнула. Знакомый мальчишка стоял перед ней. Он скинул куртку и зябко отряхивался, и у него было всё сплошь мокрое — и волосы, и майка, и штаны, засученные выше колен.

— Батюшки! — ахнула Анна Васильевна. — Ты откуда?

— Я книжку принёс.

— Так что же ты... под дождём-то? Ты живёшь здесь?

— Не-ет, — смутившись, ответил мальчик. — Я не здесь живу. Я пришёл в библиотеку, а там закрыто... Мне сказали,

и вот я пришёл. Ведь нынче десятый день, а я обещал, что принесу.

— Ты же весь промок, сумасшедший мальчишка!

— И не-ет! — торжествующе запротестовал мальчик. — Не весь. Она сухая! — Он вытер ладони и вытащил из-за пояса спрятанную на животе книжку.

Анна Васильевна отказывалась верить. Она охала и всё расспрашивала этого непонятного мальчишку, а он стоял и переминался с ноги на ногу. Потом он сказал:

— Если можно, тётяшка... я ещё возьму. А то мне домой скорей надо.

— Опять? Под дождём четыре километра? Нет, это уж совсем... — Анна Васильевна не находила слов. — Никуда я тебя не пушу. Останешься здесь и подождёшь, пока не кончится ливень.

— Но ведь мне правда нельзя! — сказал мальчик. — Я не могу. Я пообещал, что быстро вернусь.

И он ушёл.

Анна Васильевна долго смотрела из дверей, как, подпрыгивая и оступаясь, убегала по лесной дороге смешная фигурка в наброшенной на голову куртке. Дождь лил ещё сильнее, струи его выбивали в лужах мутные пузыри; захлёбываясь и фырча, плясал у вагончика пенный ручей.

Шофёр Гельмут подошёл к вагончику и удивлённо поглядел на Анну Васильевну. Улыбаясь, она стояла в две-

рях, и дождь хлестал по её отглаженному серому платью с кружевным воротничком.

— Каков мальчишка? — спросила она. — Вы только подумайте, Гельмут!

— Да, — сказал Гельмут. — Я его хорошо знаю. Это сын лесника Торопова. Живёт не в Жихареве, а ещё дальше, на кордоне, километрах в пяти от села. Недавно я проезжал мимо тех мест, подвёз его до вашей библиотеки. Самостоятельный мальчишка, твёрдый.

Анна Васильевна не отрываясь смотрела на дорогу. Немного погодя она спросила:

— Слушайте, Гельмут, а мы найдём тут брезент, чтобы укрыть книги? Тогда заводите машину, дорогой мой, и поедemте. Ливень ливнем, а ведь нас ждут!

Л И В Е Н Ь

Поезд проскочил последний тёмный туннель, сбавил ход, в окнах вагона замелькали станционные домики.

— Вот и приехали, — испуганным шёпотом сказала мать. — Погляди, мы на полках ничего не оставили?..

Тимка стащил вниз чемодан, повесил на плечо авоську с пустыми бутылками и прочей дорожной мелочью, и они вышли на платформу.

В первую минуту ему показалось, что на платформе стоит оглушительный звон и гвалт. Тимка завертел головой, оглядываясь и не понимая, в чём дело. Народу с поезда сошло немного, станция была небольшая и пустынная, а звон всё-таки слышался.

Лишь спустя какое-то время Тимка догадался, откуда это странное ощущение.

Оглушительным было солнце. Оно прямо-таки давило своими лучами на Тимкино лицо, слепило глаза, заставляло жмуриться. Казалось, что солнечные по-

токи льются с неба сплошной стеной. Этими потоками были залиты неестественно зелёные и близкие горы, каменистая белая дорога, здание станции, похожее на шкатулку из ракушек, редкие деревья с белой корой, почему-то висящей лохмотьями. Тени от всех предметов были короткие, жиденькие, и чудилось — вот-вот испарятся, как мелкие лужи.

Мир выглядел ослепительным и блистающим до звона. Хотя нет, не весь целиком. Когда Тимка повернулся в сторону, он увидел море. Совсем близко, за железнодорожной насыпью.

Оно занимало добрую половину мира, выпуклое, словно бы горбатое, расплётнутое в такие дали, что сразу не охватишь глазом. И тот солнечный блеск, что поразил Тимку над горами и землёй, был здесь увеличен втрое, впятеро. Как зеркало в громадном прожекторе, отбрасывало море потоки лучей, и они трепетали, ярились и беззвучно гремели над морем.

Подталкиваемый матерью, Тимка шёл по перрону и едва ли сознавал, что происходит вокруг. Мелькали чьи-то лица, чемоданы, зонтики, станционные киоски, следы на горячем асфальте. Тимка всё это видел, как в торопливом утреннем сне. А наяву было лишь самое главное: небо, земля и море, подобные гремящему оркестру.

Потом он почувствовал, как мать трясёт его за плечо. Он поднял глаза.

— Что с тобой? — говорила мать, а лицо у неё тоже было необычным — каким-то помолодевшим, очень бледным и жалким. — Постой, надо бы узнать... Тут где-то квартирное бюро, дают адреса... Хорошо бы нам поближе к морю! Ах, Тимка, сколько лет я тут не бывала, ничего не помню!..

Они стояли на ступеньках вокзальной лестницы. Внизу, по маленькой и круглой, как блюдо, площади, расходились пассажиры, втискивались в запылённые такси. Несколько смуглых женщин, одетых во всё чёрное — от башмаков и до наброшенного на голову

платка, — останавливали проходящих, выкрикивая гортанными голосами: «Комнаты, комнаты! Кому надо комнаты?..»

— Боюсь я к незнакомым людям, — сказала мать нерешительно.

— Чего это они? — спросил Тимка.

— Постояльцев ищут.

— Нет, почему чёрные? Траур, что ли?

— Просто здесь так одеваются... У кого бы спросить, где бюро?.. До чего же я не люблю ездить без путёвок, одно мучение!.. Девочка, можно тебя на минутку?

Им навстречу неторопливо поднималась по лестнице девчонка, наверное, ровесница Тимки, и, когда она подошла, мать и Тимка отчего-то смутились.

Девчонка была очень красива. Скорей всего, она напоминала цирковую гимнастку — такой была загорелой, стройной, тоненько-крепкой. Короткие волосы падали ей на лоб небрежными прядями, глаза под чёткими бровями смотрели ясно, весело и очень уверенно.

Она стояла в свободной позе, сунув руки в кармашки пёстрого платья, покачиваясь на носочках, и все пассажиры, шедшие по лестнице со своими корзинами и тюками, невольно задерживали шаг и оглядывались на неё.

— Вам комнату? — спросила девчонка. — Я могу проводить. Отдельный вход, все удобства, грудных детей нет. До моря десять минут, столовая рядом, а можно и на полном пансионе. Вы на такси поедете?

— Не знаю... — растерянно сказала мать, краснея под взглядом девчонки. — Я думала, в бюро сначала... Надо ведь о цене договориться и вообще...

— Цены теперь везде одинаковые, — с вежливой улыбкой проговорила девчонка, как бы объясняя то, что всем давно известно. — Дешевле не найдёте.

— Право, не знаю... — повторила мать, для чего-то сворачивая железнодорожные билеты и заталкивая их в сумочку. — Я как-то не думала...

— Если не хотите, я найду других.

— Нет-нет, не в том дело. Мне все советовали пойти в бюро... А тебя как зовут?

— Женя, — ответила девчонка. — Сейчас подойдёт автобус, хорошо бы занять места.

Тимка слушал этот разговор, смотрел на мать, и отчего-то ему не хотелось, чтобы мать дала согласие. Он не знал почему. Вероятно, потому, что эта девчонка была уж очень красива. Тимке становилось нехорошо и неловко, когда он смотрел на неё. Вообще всё здесь было каким-то чересчур новым и неожиданным. Тимка ехал на юг впервые, и впервые были у него такие суматошные сборы и такая длинная дорога. И то, что осталось позади — и школа, и тесный московский двор, по утрам холодноватый, а к вечеру

душный, и знакомые мальчишки, и гребная секция, где Тимка начал заниматься и вдруг пришлось бросить из-за отъезда, и многое, многое другое, привычное и близкое, — всё это ещё жило в нём, волновало. А тут новые впечатления и ещё эта девчонка, до того красивая, что нехорошо и неловко! Всё уж как-то слишком. Тимка потянул мать за рукав и кашлянул, стараясь привлечь внимание.

— Ну ладно, — сказала мать. — Может, так и лучше. Пойдёмте. Где остановка?

Тимка ещё не успел нагнуться за чемоданом, как Женя подхватила его и понесла к площади. Чемодан был тяжёлым — Тимка таскал его с трудом, — но Женя шла сейчас прямо, легко, не напрягаясь, и чемодан будто плыл рядом с ней по воздуху.

— Пустите, — сказал Тимка, — я сам.

— Зачем же?

— Я сам.

— Пустяки! — В голосе Жени не слышалось ни ехидства, ни желания удивить. Одна только искренность и радушие. И глаза были ясны и ласковы.

— Что ж ты, кавалер, — укоризненно и с каким-то сожалением сказала мать, — хоть помог бы!..

— Нет, нет, — откликнулась Женя, — это моя обязанность!

У автобусной остановки выстроилась нетерпеливая очередь, ссорились какие-то мужчины. Женя на секунду остановилась, затем прошла мимо всей очереди и встала у другой таблички, с надписью: «Посадки нет».

Подкатил автобус, пахнувший подгорелой резиной, все из него вышли, парень-кондуктор собрался дёрнуть за сигнальный шнурок. В это время Женя вскочила на подножку.

— Вы разрешите? — громко спросила она и, когда небритый, уставший кондуктор зло повернулся к ней, вдруг расцвела в улыбке, почти засмеялась, прямо и доверчиво глядя на него.

Кондуктор поморгал, потом улыбнулся тоже:

— Ха! Давай, только быстро!..

Они заняли места у окошка, на теневой стороне. Для всех, кто стоял в очереди, мест не хватило. Рядом с Женей, в проходе, тесно сгрудились какие-то одинаковые парусиновые старички, над головой у неё качались узлы и сумки. Наконец все разместились, притихли, и тогда Женя встала с диванчика.

— Садитесь, пожалуйста! — кивнула она ближайшему старичку.

И опять, так же как и на вокзальной лестнице, все вокруг смотрели на неё, а она стояла непринуждённо, свободно, повернувшись к Тимке и матери, и автобусная теснота как будто не касалась её и не беспокоила.

— Вчера мы ездили за форелью, — рассказывала она вполголоса. — Если захотите, можно будет ещё съездить. Это интересно, вам понравится. А ещё все приезжие в горы ходят за орехами. По вечерам тоже скучать не будете: у нас рядом санаторий, а там все новые кино...

И, пока ехали несколько остановок, Женя успела рассказать о самых удобных пляжах, о погоде за минувший месяц, о том, что можно достать в магазинах и чего достать нельзя. Говорила она охотно, увлечённо, как говорят с давно знакомыми людьми. Тимка видел, что мать успокаивается от этой болтовни, веселеет, да и сам он мало-помалу перестал отводить глаза, когда встречался взглядом с Женей.

Дом, где им предстояло жить, и впрямь был удобен. На склоне горы, прямо в саду, белела чистенькая, словно игрушечная, коробочка, но, когда вошли внутрь, оказалось, что в ней два этажа, а комнаты светлы и просторны.

— У нас ещё четверо постояльцев живут, — сказала Женя, — но их редко увидите, они всегда на пляже. Нравится?

— Нравится! — с облегчением засмеялась мать. — Только где же хозяева? Вдруг они ещё не согласятся?

— Что вы! — Женя тряхнула головой. — Я всегда сама с отдыхающими договариваюсь... Мама уехала, а отец не вмешивается: он занят. Я сама всё делаю. Хотите сад посмотреть?

Сад тянулся вниз по горе, ступеньками, деревья росли тесно, и самые дальние сверху казались карликами. Между стволами была натянута проволока. Гривастый рыжий пёс бежал вдоль неё, позванивая кольцом. Заметив чужих, он круто свернул и кинулся наперерез.

— Салют! — сказала Женя так, будто ударила хлыстиком. — Нельзя, свои!

И громадный пёс вдруг приник к земле, сжался и пополз навстречу, извиваясь и так молотя хвостом, будто заколачивал гвозди.

— Овчар? — с завистью спросил Тимка.

— Ага.

— Чего ухо разорвано?

— Злой. — Она погладила спутанную шерсть под ошейником. — Такой злой пёсик!..

— С собаками дерётся?

— Я не позволяю. Мы с ним купаться ходим на море. И вообще он меня провожает. Знаете, хулиган может пристать, пьяные... А с ним удобно: все боятся. С дороги, Салют!

Пёс отскочил, и они спустились вниз по широким ступеням. В саду было влажно, как в бане, пахло то лимонами, то хлоркой, то преющим древесным листом. Ядовито-зелёные мандаринчики величиной с пуговицу кучками лепились на ветках.

— Много-то как! — удивилась мать. — И созревают?

— Конечно. Ещё молоденькие, недавно посадили. Тридцать шесть корней. А вот там гранаты, орех. Виноград не трогайте, его утром опрыскивали. А у забора наша с папой копилка.

— Что — вот это?

— Ну да, лавр. В суп кладут листья, знаете? Ни-

какого ухода не нужно, а осенью сдаём по десять рублей за килограмм. Прямо копилка!

Сад Тимке не очень понравился: ни зелёной травы, ни цветов, ни птиц, и хоть прибрано везде, а всё равно почему-то вспоминается строительная площадка с её разрытой землёй и мусором. А Женя, видимо, садом гордилась. Она вела всё дальше и дальше, показывая каждый уголок. Похвалилась даже аккуратной поленницей дров и новым забором, который они сколотили с отцом своими руками.

Салют, наверное, очень стосковался по людям: давясь, он танцевал на дыбках и натягивал проволоку. Тимка несколько раз оглядывался: было странно видеть громадного пса, безмолвно и неуклюже переступавшего на задних лапах.

— Ну вот, — сказала Женя, когда они вернулись в дом, — теперь вы знаете, что у нас везде порядок. И вы, пожалуйста, соблюдайте. Это же нетрудно... — и вновь улыбнулась.

В полдень пришёл её отец, молчаливый, толстый, обрюзгший, поздоровался с Тимкой и матерью, но ни о чём спрашивать не стал. И, когда мать протянула ему деньги за жильё, буркнул:

— Дочке, дочке!

— Она хозяйюшка у вас! — польстила мать. — Такая хозяйюшка!..

Он глотнул, будто что-то кислое выпил, поморщился и, не ответив, ушёл в сад.

— Кажется, хорошо мы устроились, — подытожила мать, выйдя вместе с Тимкой вечером на веранду. — Я думала, хуже будет.

Внизу шумели тёмные деревья, казавшиеся мокрыми, дальше поблёскивали рельсы железной дороги, ещё дальше пролегало шоссе, где журчали невидимые автомашины. А за всем этим, уходя к горизонту, слабо мерцало море, тихое и сонное. Проплыл вдали прогулочный пароходик, побренчал музыкой; огоньки светились у него в мачтах, и та-

кие же огоньки, только вытянутые, полоскались в воде.

— Салют, купаться! — крикнула где-то внизу Женья.

Мать положила руку на Тимкино плечо:

— Ты отчего хмурый? Она тебе не понравилась?

— Понравилась, — помолчав, сказал Тимка.

Внизу, по каменистой, как бы слюдяной от лунного света дороге, скользнули две тени — легконогая девчонка и громадный пёс, несущий в зубах полотенце. Они взлетели на высокую насыпь, на миг замерли, озарённые бледным светом, и внезапно пропали во тьме.

Ночью Тимка долго не засыпал. Было непривычно жарко, шершавые простыни липли к телу, раскладушка шаталась и скрипела при каждом движении. Вспомнился весь сегодняшний день, такой пёстрый и долгий, словно бы составленный, как мозаика, из целого десятка дней. И чаще всего вспоминалось Тимке лицо Жени. Он старался не думать о нём, отгонял его, а оно появлялось вновь, будто проступая сквозь все предметы, — красивое, чёткое, с глазами, похожими по цвету на морскую воду, и отчего-то становилось тревожно и радостно. Так бывало с ним прошлой зимой, когда он возвращался с катка, усталый, разгорячённый, и музыка ещё звучала в ушах, и падал снег, и светили дымные фонари, и вдруг вечерний город и улицы становились незнакомыми, волшебными, странными, и охватывало предчувствие каких-то неожиданных перемен, которые должны были вот-вот свершиться. И, хоть потом эти перемены не наступали, он всё равно верил в них, ждал их, и само ожидание было томительно-радостным. А может быть, перемены всё-таки совершались, но только в нём самом, где-то в самой глубине его существа, и радость возникала просто из-за того, что он сегодня уже не такой, как вчера, на какую-то кроху богаче, сильнее, взрослей; ощутить это было можно, а объ-

яснить и понять нельзя, и оттого к радости примешивалась тревога.

Проснулся он за полночь от грохота водяных брызг и тупых подземных толчков, сотрясавших дом. Электричество не горело, и в сумраке резко выделялся голубой квадрат окна. Свет за окном был какой-то пляшущий, судорожный. Тимка не сразу понял, что это вспыхивают молнии. Мокрая занавеска трепыхалась на окне, то взлетая, то расплываясь и прилипая к наличникам. На миг открывалось клубящееся небо, всё в извилистых огневых трещинах, а потом ливень распрямлял занавеску, и она казалась очень толстой, свитой из прозрачных верёвок.

Мать в ночной рубашке стояла у окна, лицо и руки у неё были мокры от брызг.

— Надо бы помочь хозяевам, но я боюсь, — говорила она. — Я и дома-то грозы боялась...

Тимка спрыгнул с раскладушки, выглянул наружу.

Весь дворик возле дома и ступеньки к саду были затоплены. Грязный пенный поток наискось рушился вниз по горе, таща за собой камни и образуя воронки вокруг древесных стволов. Струи ливня были похожи на стебли гигантских трав, они стояли сплошной зарослью, и казалось, что если захочешь пройти, то придётся их раздвигать руками.

Во дворе около забора метались какие-то фигуры. Тимка узнал отца Жени, одетого в плащ с капюшом, почти закрывающим лицо. Рядом что-то делали два парня, наверное, постыльцы, а у самого забора, в брызжущем водовороте, стояла Женя с доской в руках. На ней не было ничего, кроме трусов и лифчика, и мокрая спина её и плечи отливали металлически-тёмным блеском.

— Мам, я пойду! — кивнул Тимка и, не дожидаясь ответа, выскочил за двери.

Когда он ступил босыми ногами в поток, то едва устоял. Что-то больно ударило по коленке, ещё раз,

ещё... Это вода тащила камни, и они колотили по ногам.

Ливень был тёплый, и ночь была тоже тёплая, душная, но, оттого что кругом так грохотало, свистело, выло, Тимка невольно сжался, его затрясла дрожь. Стиснув зубы, качаясь, он добрёл всё-таки до забора и заставил себя шагнуть в кипящий водоворот.

Женя повернула к нему грязное хохочущее лицо с царапиной на щеке:

— Ага!.. Молодец, давай!.. Доску к забору... Чтоб вода... Держись за меня!

Устоять здесь было почти невозможно, и они прижались плечом друг к дружке и вместе стали подпихивать вздрагивающую непослушную доску.

Несколько таких досок уже было закреплено, оставалось перекрыть небольшой участок, чтоб вода повернула в сторону.

— Чуть поленицу... не унесло!.. — кричала Женя. — Едва успели... А тут забор... и мостик... Ух, бьёт!..

Тимка не понимал, чему она радуется: тому ли, что пока удалось отстоять и поленицу и забор с мостиком, или тому, что Жене попросту нравится эта сумасшедшая борьба с её грохотом и криками — сейчас кричал даже отец, сипло и тонко, как женщина.

Они протолкнули между кольев одну доску, вторую, а потом весь длинный забор качнулся и очень медленно, сопротивляясь натиску, стал валиться прямо на них.

От неожиданности Тимка выпустил руку Жени, хотел отпрыгнуть, его сбило с ног и потащило вниз. Он только успел увидеть, как Женя, подняв доску наперевес, рванулась к падавшему забору.

Спасло Тимку старое грушевое дерево; что-то толкнуло в плечо, Тимка понял — можно схватиться, и, обдирая ладони, уцепился за кривую ветку.

Придя в себя, он увидел, что забор хоть и накрепчился, но всё же стоит. Женя успела подпереть его доской и сейчас вместе с двумя пареньками укрепляла добавочные подпорки.

Тимка охнул сквозь зубы — ныло плечо, — стёр со лба щекочущую пену и опять пошёл к Жене. Та по-прежнему смеялась, на тёмном лице белели оскаленные зубы.

— Ловко, а? — закричала она Тимке. — Ты живой?

— Живой.

— Давай ещё немножко!..

И они вновь стали подпихивать доски, уже вчетвером, и наконец-таки заткнули прореху. Внезапно водоворот утих, начал оседать книзу, мутный поток свернул с дороги и загрохотал уже где-то вдали, ломая кусты на обочинах.

Во дворе проглянула земля и бетонные ступени с наносами глины. Рваная простыня пены уползала вниз, к саду. Сделалось тише, даже ливень как будто ослаб.

И тут из сада, из дымящейся его темноты, долетел глухой и сдавленный стон.

Тимка испуганно обернулся:

— Что это?

— Салют, — сказала Женя, надув оцарапанную щеку и трогая пальцем. — Я его забыла отвязать. Со- всем забыла.

Тимка торопливо зашлёпал по грязи, прошёл меж деревьев. Впереди тонко и зло блеснула обвисшая проволока, убегая во тьму.

Пёс лежал, полузанесённый грязью и щебнем. Голова его была задрана и казалась худой и длинной. Слипшийся клочок шерсти, как заноза, торчал под глазом.

Вся земля вокруг была взрыта, валялись обломки камней, размочаленные поленья, щепки.

Видимо, здесь поток бушевал сильнее всего.

А собачья цепь запуталась вокруг ствола, закрутилась, и Салют не смог отсюда уйти.

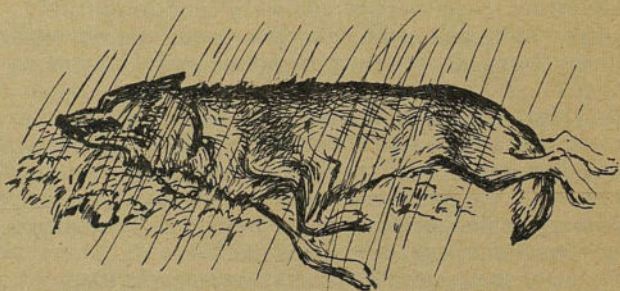
— Ах, как жалко! — подойдя, вздохнула Женя. — Тридцать рублей мы за него уплатили... Да теперь и не достанешь такого щенка. Может, ещё поправится? — Она отстранила Тимку и шагнула вперёд. — Салют! — Опять голос ударил, как хлыстик. — Встать!

Голова пса качнулась, всё тело дрогнуло, словно пронизанное током. Заскребли лапы, как-то странно сгибаясь, и вот он весь натужно, мучительно медленно попробовал встать, выбраться из грязи, словно заранее чувствуя, что это безнадёжно, невыполнимо, и всё-таки стараясь из последних сил. Видеть это было страшно.

— Да, плохо... — сказала Женя. — Наверное, лапы сломаны. Очень жалко!.. Надо же... И как я не вспомнила! Оставь его, Тима.

А Тимка, не помня себя, подбежал к Салюту, стал на колени и пляшущими пальцами начал отстёгивать ошейник. Словно что-то оборвалось у него внутри, обрушилось, и, уже не ощущая ничего, кроме свободы и накатывающей ярости, он поднял лицо и почти с наслаждением сказал Жене:

— Ну и дрянь же ты!.. Ну и гадина же ты!

А она стояла перед ним в мокрых трусах и грязном лифчике, с оцарапанной щекой, с волосами, нелепо торчащими в разные стороны, измазанная и всё-таки красивая и продолжала улыбаться, и глаза её были ясны и безмятежны, как у ребёнка.

СЛЕД НА ВОДЕ

Летнюю практику Алёша Бакшеев захотел провести в одиночку. Друзья студенты уговаривали его побывать на Волго-Доне, в Казахстане, в Крыму — он отказался.

Едва наступила весна, как с рюкзаком за спиной и складным мольбертом Алёша уехал из города.

Он мечтал побродить по земле наугад, без планов и маршрутов. Он слезет ночью на каком-нибудь полустанке, послушает, как прощально гудит исчезающий вдали поезд, и пойдёт куда глядят глаза.

Будет шагать просёлочными дорогами, ночевать в маленьких северных деревушках, плыть на лодке по безымянным речкам, заросшим чёрной ольхой и крушиной. Он любит природу, чувствует её притягательную силу и попробует передать на холсте чистые и негромкие краски родных просторов.

Всё получилось так, как он хотел.

В первой же деревне, раскинувшейся над берегом реки, Алёша купил лодку, погрузил в неё вещи и тронулся в путь.

Он ожидал, что увидит много замечательного. Но всё-таки восхищался, не переставая, — такие тут были места...

За каждым поворотом, за каждой речной излучиной открывался иной, удивительный мир.

Неожиданно вставала перед Алёшей стена тёмного бора. Голубые стволы елей мерцали в сумраке, словно столбы дыма. Над сырыми мхами поднимался зеленоватый пар; от него еле заметно раскачива-

лись пепельные бороды лишайников, свисающие с лап. Было так тихо, что слышался шорох осыпающейся хвои.

Затем впереди распахивался широкий речной плёс. На перекатах вода перемывала текучее солнечное золото. Неразвернувшиеся листья водяных трав, точно свечи, стояли у береговых осыпей. Ударяла рыба, и ленивые оловянные круги долго вспухали на зеркале заводов.

Алёша думал, что можно целую жизнь изображать эту красоту, и всё-таки целой жизни не хватит, чтобы хоть малую часть её донести до людей.

Он много работал; этюды появлялись один за другим. Но пока Алёша ещё не был ими доволен. Рука, правда, избавилась от скованности, мазки стали шире, сочнее, а вот передать то общее, неповторимое настроение, которое вызывала натура, — не удавалось. Всё же Алёша надеялся, что в конце концов осилит и эту самую нелёгкую задачу.

Как-то на вечерней заре он выбрался к небольшому лесному озеру.

Дул ветер.

Гудели корабельные сосны, дрожа сбитыми набок ветвями. Будто выстреленные, косо летели зелёные шишки. Иногда под землёй глухо раздавался удар, — это лопался натянутый, как струна, гибкий древесный корень.

И только озеро оставалось спокойным. В глубокой низине поблёскивала его застывшая вода, похожая на чёрную смальту.

Ни свет холодной зари, ни лес на берегах не отражались в озере. Вода дремала, как в колодце. И лишь слабая, отливавшая ртутным серебром дорожка — то ли отблеск вечерних облаков, то ли узкая полоса тумана — пересекала озеро из края в край.

Алёше это место показалось интересным. Он подумал, что никто ещё не изображал неподвижную гладь воды, окружённую бушующим лесом. Если на-

завтра будет опять ветреный день, — можно написать такой этюд.

Невдалеке от устья реки виднелось несколько изб. Алёша решил попроситься на ночлег, а утром опять прийти на озеро.

Хозяин — сутулый, плешивый старик, похожий на ворона, — провёл его в летнюю половину избы. Принёс табуретку, застелил деревянную глубокую, как телега, кровать. Он был, очевидно, глуховат, потому что разговаривал громко, почти кричал, каждую фразу начиная с дребезжащего баса и заканчивая визгливым тенорком.

— Уж будьте добры, денежки-то сейчас! — сказал он, улыбаясь, и за дверями долго, свистящим шёпотом пересчитывал Алёшины рубли.

Засыпая, Алёша слышал, как старик сердито кричал кому-то в сенях, наверное внуку:

— Жрать, так домой бегаишь? Чтобы завтра у меня на базар!

— Не стану я вашей рыбой торговать! — так же сердито отвечал мальчишеский голос, казавшийся очень красивым рядом со срывающимся басом старика.

— Стане-ешь! Гляди-ко, волю взял! Жалко, стервец, твоей Марьи Фёдоровны нету, я б ей расписал, каков ты есть!

Мальчишка помолчал, потом сказал:

— Марья Фёдоровна сама спекулянтов ненавидела.

Тотчас хлопнула дверь — может, старик вытурил мальчишку вон, а может быть, тот вылетел сам, не дожидаясь расплаты за строптивый нрав.

«Попался мне хозяин!..» — огорчённо подумал Алёша и, сразу эпомнившись, посмеялся над своим огорчением. Ведь он совсем не знает ни этого старика, ни мальчишки, ни Марьи Фёдоровны, ненавидевшей спекулянтов, а уже волнуется и начал негодовать... На самом деле все эти люди могут оказаться

совершенно не такими, как он предполагает. Да и что ему за дело до них?

Наутро он проснулся чуть свет и потихоньку, чтобы не разбудить старика, вышел из дому.

Ветер ещё не утих.

Гудящий воздух светился слюдяным блеском, и казалось, что различаешь его косые стремительные пряди. Жёлтая заря плавилась над вершинами сосен.

А озеро по-прежнему оставалось в покое. Под светлеющим небом странно чернела тяжёлая вода, лежавшая без единой морщины.

В кустах можжевельника Алёша выбрал чистую полянку, поставил мольберт. Ему быстро удалось схватить и передать на полотне размытую, словно тающую, желтизну неба, тяжесть крутых береговых откосов. Хорошо получились и сосны. Их стволы были не розовыми, а густо-фиолетовыми, почти синими у корней. Алёша удачно уловил напряжение расплывчатых по ветру сучьев, дрожь лохматой, клубящейся хвои.

И только озеро у него никак не выходило.

Оно одинаково однотонно темнело вблизи и вдали, и были почти незаметными те оттенки в цвете, которые передали бы неподвижную просторность воды.

Смушала Алёшу и серебристая полоса. Замеченная вчера полоса, пересекавшая озеро, сохранилась на прежнем месте. Очевидно, это был не туман и не отражение облаков, а что-то совсем другое... Но что?

Чем зорче Алёша приглядывался, тем больше недоумевал. Полоса была похожа на тропинку, и это сходство ещё сильнее подчёркивалось тем, что на противоположном берегу она упиралась в маленький, одиноко стоявший дом. Алёше почудилось, будто он различает даже изгибы этой тропинки и отдельные следы... Что за чепуха? Ведь не ходили же тут люди пешком по воде!

Он попробовал довериться руке и нарисовал полосу. На холсте она казалась ещё необычнее. Впечатление было таким, словно художник нечаянно мазнул поперёк этюда жидкими белилами.

Алёша бросил палитру, закурил, медленно пошёл вокруг озера. Оставалась надежда, что с другого берега полоса будет не видна. Тогда лучше бросить написанное и приняться за новый этюд.

Но полоса явственно виднелась отовсюду — такая же узкая, отчётливая, с ровным маслянистым глянцем.

Затрещали кусты; неподалёку вышел на берег старик, хозяин Алёшиного ночлега. На старике были надеты резиновые бахилы и плащ-палатка, с локтя свисала смолёная сеть.

«Браконьерствует на озере...» — подумал Алёша.

Заметив Алёшу, старик прикрыл сеть полами плащ-палатки и неохотно пошёл навстречу.

— Гуляете? Я вот тоже тут... обследую. Не найдётся папироски городской, побаловаться?

У него испуганно и в то же время зло поблёскивали глубокие глазки, обжатые пухлыми красными веками, и Алёша всё не мог уловить, какое же чувство испытывает этот человек. Разговаривать со стариком не хотелось, слишком неприятно звучал его пронзительный, дребезжащий голос. Но берега озера были пустынными, лишь вдалеке где-то смеялись ребяташки. Алёша поборол неприязнь.

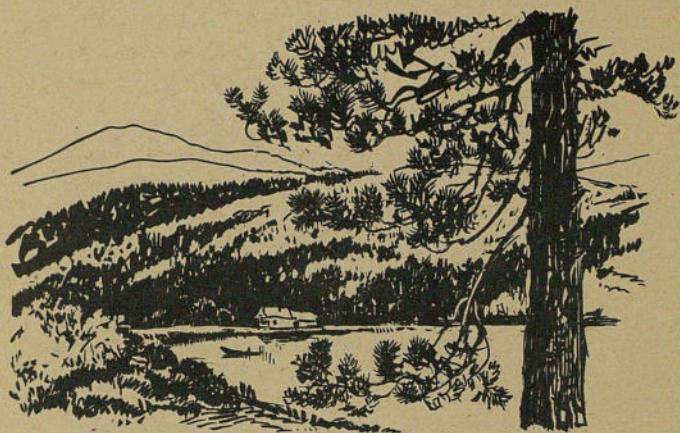
— Не знаете, что это за полоса? — спросил он, протягивая папиросу.

— Которая? Ах, там... — старик неожиданно сбавил голос, будто поперхнулся. — Знаю. Зимний след.

— Это что же — зима следы оставила? Странное название...

— Названий странных не бывает! — вновь закричал старик. — Во всяком имени есть зерно, без обману! Вот, гляди, куст, — он поймал за вихор зелёную макушку, — зовётся можжевельник. А поче-

му? Междоуельник, промеж ёлок растёт. Всё тебе просто, как огурец, и никакой странности.

— Ну, хорошо, а почему «зимний след»? — не унимался Алёша.

— Всё потому же. Зимой на озере дорогу протоптали, намяли следов. Весной снег растопило, а дорога-то всё равно обозначается!

— Не знал я раньше! — удивился Алёша. — Любопытно!

— Чего не знать? Это факт известный. От всех зимних дорог на озёрах следы остаются. А у нас особенно, потому как вода ленивая, дохлая. Щепку брось — на одном месте год прогниёт... Но ничего, дождичком эти следы всё ж таки смое!

Алёша усмехнулся:

— Вам как будто хочется, чтоб их поскорей смыло. А ведь такое удивительное явление!

— Кому как представляется. А мне глаза намозолило.

— Что, ходили зимой?

— Зече-ем! — старик взмахнул рукой, но тотчас придержал разлетевшиеся полы плащ-палатки, пряча сеть. — Вона, видишь, дом? Учительша там жила, Марья Фёдоровна. Старая уже, ноги отнявши были, а всё туда же — с пионерией возилась. Каждый день к ней чуть не вся школа бегала. И мой тоже, балбес.

— Что ж тут плохого? — не понял Алёша.

— Да нет, ничего... — Старик отвернулся. — Рази я говорю? Активистов готовила, сознательных граждан. А растут, как поглядишь, дармоеды поперечные, никакого сладу нет.

— Учительница умерла? — спросил Алёша.

— Зимой похоронили, — с трудно скрываемым облегчением сказал старик. — Больше всех ей требовалось, а пришла пора, так сковырнулась, как и мы, грешные... И следы тоже вскорости смоятся...

Алёша недослышал последних слов. Ему вдруг припомнился нечаянно подслушанный разговор в сенях, упрямый голос: «Марья Фёдоровна сама спеку-

лянтов ненавидела!», стук захлопнувшейся двери.. И то, что прежде казалось случайными, отрывочными впечатлениями, теперь обрело связь и объединилось в ясную, резкую картину.

Перед Алёшей как бы открылся кусочек человеческой жизни, с её борьбою, любовью, ненавистью, радостями, горем. Алёша понял, как тесно переплетены между собой и жизнь старой женщины, до последних дней учившей людей правде, и судьба маленького мальчишки, пробиравшегося зимними вечерами знакомой тропой через озеро; и недобрая участь старика, сознающего, что дети и внуки растут совсем не такими, как ему бы хотелось... И Алёша почувствовал, что самое удивительное — не зимние следы. В конце концов, это просто загадка природы, не больше. И если она ещё не разгадана, то её всё равно разгадают.

А самое удивительное — это следы человека. Вот человек умер, а всё сделанное им продолжает жить, и не исчезает тропа к его дому, и вырастают из его учеников настоящие, хорошие люди...

— Долго будете гулять? — спросил старик.

Ему, вероятно, не терпелось приняться за ловлю, и он никак не мог дождаться, когда Алёша уйдёт.

Алёша повернулся и зашагал прочь.

Уже вставало лёгкое, чистое солнце. Ветер сбавил силу и налетал на сосны порывами всё реже и реже. Скоро он стихнет совсем.

Но Алёше не очень хотелось заканчивать свой этюд.

Совсем другие мысли и чувства вызывали в нём теперь и эта спящая вода, и сосны, и далёкий берег с одиноким домом...

На середину озера выплыла лодка. Старик, сутулясь, грёб резкими рывками, вёсла торопливо били по воде, словно старались перепахать узкую серебристую тропу. А она опять незаметно смыкалась за лодкой, поднимаясь из-под воды.

Никита просыпается оттого, что кто-то осторожно тянет его за руку. Возле постели стоит Гайда Звирбуле, отрядная вожатая. Видно, что она сама едва успела встать и умыться, — лицо у неё горит прохладным румянцем, ресницы слиплись, на жёлтых волосах — тёмные мокрые прядки.

— Вставай! — шёпотом говорит Гайда. — Слышишь? Забыл, что сегодня твоё дежурство?

Никита вскакивает с постели. Нет, он, конечно, не забыл. Просто утренний сон самый крепкий, и трудно его стряхнуть с себя в один миг. Но сейчас Никита уже проснулся окончательно.

— Гайда! — тоже шёпотом говорит он, чтобы не разбудить ребят. — Вы принесите, пожалуйста, горн из пионеркомнаты. А я сбегаю на речку, окунусь и как раз успею к подъёму. Я быстренько!

Никита хватает полотенце и выбегает за двери.

Сырые ступеньки крыльца стучат под его ногами. Они шершавые и холодные. Холоден и крупный песок на дорожке. Никита зябко поёживается и ступает на одних носках. Это очень приятно — идти босиком и поёживаться от утреннего холода.

Ночью над лагерем пробушевал грозовой дождь. Теперь тучи уплыли, в белёсом небе встаёт солнце, но следы дождя ещё видны повсюду. Черепичные крыши лагерных домиков блестят. Над ними дрожит, курится парок. Стволы у деревьев намокли и потемнели с одной стороны. Наверно, дождь был косой.

Кусты акаций, растущих вдоль дорожки, тоже намокли. На каждом листе, сложенном лодочкой, лежит большая изморозно-белая капля. Порою она скатывается вниз. Тогда, на лету, капля вспыхивает радужным огоньком и гаснёт, едва коснувшись земли.

Но самое главное — воздух. Он до блеска промывает дождём. Он свеж и пахуч. Кажется, что упругими, холодными глотками он вливается в горло.

«Наверно, такой воздух можно пить», — думает Никита. Он втягивает в себя глоток и чувствует, как ширится грудь и начинают подрагивать мускулы на руках.

Никита подпрыгивает и бежит по дорожке. Ветер надувает его белую майку. Она смешно похлопывает за спиной.

Впереди разворачивается просторное поле лагерной линейки, показываются трибуны, пологий речной берег. До него уже близко.

И вдруг Никита останавливается.

Он смотрит на поле.

На середине его вкопана в землю высокая мачта. Каждое утро во время линейки на мачте поднимают флаг пионерского лагеря.

Но сейчас флага нет. Нет даже верёвки, на которой он крепится.

Никита смотрит на мачту и подходит поближе. Флаг лежит на земле, намокший и грязный. Подле валяется верёвка. Конец у неё размочален.

Никита смотрит и понимает теперь, что случилось.

Грозовой ливень намочил полотнище, оно стало тяжёлым; потом налетел ветер, он накинудся на приспущенный флаг и стал рвать его, и верёвка не выдержала. Теперь флаг лежит на земле...

Но ведь пройдёт немного времени, лагерь проснётся и оживёт. Пионерские отряды выстроятся на линейку. Никита сегодня — дежурный горнист. Он должен будет встать у мачты и сыграть сигнал: «Флаг поднять», и по этому сигналу широкое полотнище должно всплыть в небо над лагерем. Но оно не всплывёт, потому что мокрый флаг лежит теперь на земле...

Никита оборачивается и смотрит на лагерь. Там ещё тишина. Пустынны дорожки, и окна в домиках задёрнуты занавесками. Может, времени ещё хватит?

Никита поспешно скатывает флаг.

Он берёт его на руки и, приседая, бежит к речке. На мостках опускает флаг в воду, расправляет его и полощет, и вода быстро смывает песок и землю. Отжав полотнище, Никита возвращается к мачте.

Теперь надо закрепить верёвку.

Никита подходит к мачте и смотрит вверх. Мачта выкрашена белой краской. Краска мокрая и скользкая от дождя. У вершины мачта кажется совсем тоненькой, она качается, как хлыстик. И там, на самом конце её, еле виднеется крохотное колёсико, через которое должна пройти верёвка.

Никита засовывает конец верёвки за трупы. Так будет удобнее. Он обхватывает мачту руками и начинает лезть вверх.

Майка на животе сразу становится мокрой. У Никиты скользят руки, лезть надо очень осторожно, чтобы не сорваться и не съехать вниз. Никита перехватывает руками, подтягивается и так — сантиметр за сантиметром — поднимается кверху.

На середине мачты он немножко отдыхает. Он поворачивает голову и окидывает взглядом лагерь. Там по-прежнему пусто, Никита улыбается; теперь он уверен, что успеет закрепить флаг и вернуться вовремя.

Вторую половину

пути лезть труднее. Мачта здесь тонка, она качается и опасно поскрипывает. Никита боится смотреть вниз. У него кружится голова.

Наконец он достигает верхушки мачты. Верхушка прикрыта деревянным грибом. На грибе и привинчено колёсико, до блеска натёртое верёвкой.

Никита хватается одной рукой за грибок, а вторую руку отводит за спину, чтобы взять верёвку.

Пальцы его хватают воздух.

За резинкой трусов верёвки нет.

Противный холодок появляется у Никиты в груди. Он смотрит вниз. Верёвка лежит у основания мачты, еле видимая в траве. Он не заметил, когда она успела выскользнуть.

Никита прислоняется головой к холодной мачте и несколько минут не двигается, пережидая, пока пропадёт тошнотворная слабость.

Из-за гряды холмов, с далёкой реки доносится тягучий пароходный гудок. Чтобы отвлечься, Никита представляет себе, как выглядит этот пароход.

Крутобокий, с оттянутой назад трубой, быстро идёт он против течения. Рассыпчато звенят зелёные волны, рокочут машины, на корме плещет под ветром флаг... Флаг...

Никита спускается вниз.

Он берёт верёвку, привязывает её к руке узлом и пробует, прочно ли она держится. Теперь она держится прочно.

Приоткрыв рот, чтобы легче дышалось, Никита опять обхватывает мачту и опять начинает влезать.

Ему кажется, что сейчас он уже не сможет добраться до вершины. Руки стали тяжёлыми, их трудно отрывать от мачты, словно она сделалась клейкой. В носу щекочет противный запах краски.

Теперь Никита отдыхает чаще; он считает остановки и всё время думает, что ошибается. По счёту их мало, а кажется, что их было не один десяток.

А впереди ещё длинный путь. Гладкая, скользкая,

мачта уходит ввысь, и нет на ней ни сучка, ни зарубинки, ни отметки. Никита смотрит и не может определить, сколько ещё осталось лезть: может, полтора метра, а может, три, пять... Он опускает голову и больше не смотрит вверх. Он совсем закрывает глаза. Руки и ноги у него теперь движутся сами собой, и он вряд ли понимает, что продолжает лезть.

Потом пальцы Никиты неожиданно упираются во что-то твёрдое. Он открывает глаза. Пальцы упёрлись в грибок.

Никита смотрит на него и уже только потом, словно бы очнувшись, соображает, что добрался до вершины.

Он влез-таки! Ему было трудно, очень трудно, однако он влез. Он влез и теперь держится рукой за колёсико.

Никита отвязывает верёвку и кладёт её в желобок колеса. Всё. Самое главное сделано. Больше не надо лезть, не надо поднимать гудящие руки, не надо считать остановки... Всё. Никита вздыхает глубоко и облегчённо.

Теперь он немножко подождёт и спустится вниз.

Но странное дело — усталость куда-то исчезла. Руки у Никиты снова двигаются легко и свободно. Он даже не заметил, как появилась эта ловкость. Может, он долго отдыхает? Да нет, прошла минута, не больше.

Никита соскальзывает на землю, завязывает верёвку и укрепляет на ней флаг.

Когда он тянет за верёвку, складчатое полотнище вздрагивает, обвисает и послушно ползёт вверх. Всё в порядке!

Никита вытирает о полотенце руки и бежит к дому. Запыхавшись, он взмахивает на крыльцо. Там с горном в руках стоит Гайда и смотрит на часы.

— Не опоздал? — тревожно спрашивает Никита.

— Нет. Полторы минуты до подъёма.

Никита переводит дух и берёт из рук Гайды холодный, запотевший горн.

— Слышь, Никита, — озабоченно говорит Гайда, — есть у нас мальчишки, которые по деревьям здорово лазят?

— Есть, — отвечает Никита. — А чего?

— Понимаешь, флаг ветром сорвало. Надо кого-то попросить, чтоб поправил.

Никита опускает глаза.

— По-моему, флаг исправный, — равнодушно говорит он. — Я сейчас проходил, попробовал. Он совсем исправный.

Никита подносит ко рту горн и набирает полную грудь воздуха. Он не смотрит на Гайду.

Он не подозревает, что она окинула взглядом его фигуру, заметила мокрую майку, ободранные колени, царапины на руках; Никита не знает, что вожа-тая беззвучно смеется...

Никита трубит.

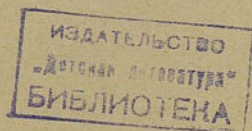
Резкие, хрипловатые звуки разносятся над лагерьем, достигая дальних его уголков. И, хотя Никита трубит сейчас простенькие четыре такта утренней побудки, ему кажется, что звуки эти торжественны и прекрасны, а сам он уже стоит у белой мачты, и, повинуясь его сигналу, тяжелое знамя поднимается ввысь.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Мартовский снег	3
Мальчик с кордона	14
Ливень	20
След на воде	33
Флаг	41

96699

К Ч И Т А Т Е Л Я М

*Отзывы об этой книге издательство
просит присылать по адресу. Москва,
А-47, ул. Горького, 43. Дом детской
книги.*

✱

Для младшего школьного возраста

Шим Эдуард Юрьевич

Л И В Е Н Ь

Рассказы

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина*
Художественный редактор *Г. Ф. Ордынский*
Технический редактор *С. К. Пушкина*
Корректор *Л. М. Короткина*

Сдано в набор 7/II 1964 г. Подписано к
печати 24/IV 1964 г. Формат 60×90^{1/16}.
3 печ. л. (2,17 уч.-изд. л.). Тираж 300 000.

ТП 1964 № 202. Цена 8 коп.

Издательство «Детская литература»
Москва, М. Черкасский пер., 1.
Фабрика «Детская книга» № 1 Росглаво-
лиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по печати.
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 255.

~~96699~~

100 =
Цена 8 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*В серии «Книга за книгой» в 1964 году
вышли и выходят в свет следующие книги:*

Георгиевская С.
ПОРТНОЙ ОСОБОГО ПЛАТЬЯ.
Рассказы о дружбе детей и взрослых

Дик И.
ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ.
Весёлые рассказы о детях

Офин Э.
В ПАТРУЛЬНОМ ДОЗОРЕ.
Рассказы о пионерах

Пришвин М.
ЛИСИЧКИН ХЛЕБ.
Рассказы о природе

Сотник Ю.
КАК Я БЫЛ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ.
Весёлые рассказы

Шманкевич А.
МИТЯ И ВИТЯ ЕДУТ В ЛАГЕРЬ.
Рассказы о приключениях двух друзей

Шевелов В.
ЗОЛОТЫЕ КЛЁНЫ
Повесть о молдавском мальчике.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребкооперации. Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.